

Серия «Бессмертный полк»

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ-ИЖЕВСКИЙ

ДЕМЯНСКИЙ
“КОТЕЛ”

Александр Щербаков-Ижевский

**Демянский «котёл». Серия
«Бессмертный полк»**

«Издательские решения»

Щербаков-Ижевский А.

Демянский «котёл». Серия «Бессмертный полк» / А. Щербаков-Ижевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850008-4

Оказывается, что шея — это всего лишь лоскуток кожи, который свесился ему на грудь... Истерзанные боем, оглушённые, израненные, обмороженные, обескровленные... Вернее, получучела, получеловеки... Скорее полутени с обезумевшими лицами. Щеголь чисто штабная крыса... Стоял на коленях... Из его груди торчал воткнутый прямо в сердце солдатский штык. Мы были в грязи, в крови и вообще хрен знает в чём. «...Погуляем, попируем. Баб тыловых пожамкаем»... И командиры уже перестали расстреливать за... инициативу снизу.

ISBN 978-5-44-850008-4

© Щербаков-Ижевский А.
© Издательские решения

Содержание

Сыра земля и горячая кровь раскалённого котла	6
С пылу, с жару и задором ангелочков курносой красавицы	6
Необузданный смертный бой и колотушки с драчками да лупцовками	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Демянский «котёл»

Серия «Бессмертный полк»

Александр Щербаков-Ижевский

*Светлой памяти моего отца Ивана Петровича Щербакова
(28.10.23 – 10.06.64) посвящаю...*

*Вечный ореол бессмертия и лавры победителей героям Великой
Отечественной войны!*

Северо-Западный фронт.

Новгородская область.

Старая Русса-Демянск-Рамушево.

Конец ноября – декабрь 1942 года.

Редактор Анна Леонидовна Павлова

Дизайнер обложки Александр Иванович Щербаков

Корректор Игорь Иванович Рысаев

© Александр Щербаков-Ижевский, 2017

© Александр Иванович Щербаков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0008-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сыра земля и горячая кровь раскалённого котла

С пылу, с жару и задором ангелочков курносой красавицы

Самые жестокие, кровопролитные бои развернулись возле Старой Руссы. Еще зимой 1941 года войска Северо-Западного фронта окружили в районе Демянска 16-ю Армию противника в составе семи дивизий.

Однако, успех развить не удалось.

Бои приобрели затяжной позиционный характер. Жестокие, кровопролитные и безрезультатные схватки. Нам приходилось разведкой боем нащупывать слабые места в обороне фашистов. День за днём готовиться к решающему сражению. Фашистское преимущество постепенно теряло силу. В конце концов, ситуация стабилизировалась.

Чудовищной жестокости была сеча. Ценой огромных потерь давалось нам стратегическое превосходство.

Наша дивизия мужественно сражалась в районе Липино, Селяха.

Волею судьбы я, Щербаков Иван Петрович 28 октября 1923 года рождения, уроженец деревни Старый Кушкет Балтасинского района ТАССР оказался на направлении главного удара.

Так уж случилось, что в 19 лет мне, лейтенанту пришлось отвечать за жизнь рядовых солдат в должности командира минометного взвода. Как мог, обустроивал их фронтовой быт. Очень берег своих ребят. Пока были живые здоровые, со многими дружил. По возрасту некоторые годились мне в отцы, но взводному беспрекословно подчинялись. Перед атакой до красной ракеты бойцы зубоскалили над новобранцами. Однако сами далеко не были стариками. Я понимал, что это наносное. Всего лишь, чтобы разрядить душевное напряжение и тревогу.

А в бою все равны. Все друг за друга. Иначе не одолеть безжалостного варвара-оккупанта.

Но эти беспощадные бои начались чуть позже. А тогда мы, в цвете сил пацаны, наслаждались короткой передышкой среди ужасающе безжалостных боёв. Нам, молодым и жизнерадостным казалось, что жизнь не имеет конца. Что мы всегда ещё успеем достичь желаемого, доделать начатое, долюбить и, наконец, встретить милую половинку в своей мирной жизни. Но это нам только казалось.

В памяти нет-нет да оживали страшные кадры реального ужаса фронтовых будней. Ушедшие в небытие боевые товарищи напоминали о себе в минуты отдыха, ночью во сне, или в зыбком полузабытьи походного марша.

Мы призывались вместе с Валериком Николаевым. Был он молодым, красивым, спортивным, очень умным парнем. Дружили. На солдатчине помогали друг другу, как могли. Я всё хотел предложить ему после победы поехать ко мне на родину. Окрыляла уверенность, что вдвоём проще и надёжнее будет встать на крыло. Да он почему-то отмахивался.

А при последнем разговоре беззаботно засмеялся и ушел от меня по проходу между штабелями ящиков с минами. Взмахнул рукой на прощание. Я ухватил его уверенный шаг краешком глаза и подумал ещё, что надо бы догнать, разыскать в толпе красноармейцев, подойти, поговорить.

– Ничего, времени впереди ещё предостаточно. Обсудим и ещё не раз мирную жизнь. Успеется досказать, – подумалось мне тогда.

Но не случилось.

Зимние морозы, бывало, продирали насквозь. Однажды, в безобидный полдень на привале мы обедали. Ели горячую кашу из своих котелков. Немцы хаотично обстреливали наши

позиции из орудий. Расположены они были далеко и грохота от выстрелов мы не слышали. Просто раздавались взрывы то слева, то справа.

Эти смертельные приветы были предназначены явно не для нас. А мы не воспринимали их всерьёз и душою находились где-то так далеко от жестокой реальности. Каждый и все мы вместе считали, что были бессмертны.

Но вдруг, рядом с нашей миномётной позицией разорвался снаряд, и моему другу Валерику Николаеву осколком оторвало голову.

Прямо напротив меня сидел боевой друг, смеялся, шутил. Ложкой заскребал горячую кашу. А сейчас, сидя на ящике, он притулился к стволу миномёта. Пар шёл из его котелка. Но верхняя часть головы была срезана, как бритвой. Начисто.

Оказывается, что шея, это всего лишь лоскуток кожи, который свесился ему на грудь. Из чрева туловища сильное молодое сердце выталкивало толчками струю алой крови, хаотично разбрызгивая её по округе. Из тела прямо к небу поднимался пар от горячего фонтана Валеркиной кровищи.

Я только переводил взгляд с парежа, идущего от котелка в его руках, на мутный столб марева поднимающегося прямо из сердца друга к морозному небу. У меня в голове мутилось до тошноты, а в ушах стоял жуткий звон. Перегнувшись по пояс через боезаряды, я отхаркивал из себя всё съеденное за обедом и никак не мог прийти в себя после контузии.

Всё окружающее вертелось перед глазами, но в то же время подспудно окрыляла радость, что в этот раз смерть пронеслась мимо меня. А мокрота от слёз заволакивала всё пространство вокруг. Я потерял друга.

Мне показалось, что именно так, наверное, уходит человеческая энергетика в ожидающие параллельные миры. Но реальность жизни была гораздо безальтернативнее, проще и страшнее. Возле моих ног билось в последних смертельных и судорожных конвульсиях тело моего друга Валерика. Отгадки на вопрос, почему я ещё здесь, а он уже там, у меня не было, и по-прежнему, нет. А сам он ответить уже никогда не сможет.

...Только в памяти моей он всё ещё идет по проходу среди ящиков с миномётными зарядами. Улыбается и машет рукой. Приветствует, друг...

У меня в душе навсегда осталось чувство вины и стыда за недосказанное перед не разлей вода товарищем. Если бы случилось поговорить, может быть, колесо фортуны крутанулось в обратную сторону? Но, видимо, не судьба.

Скорее всего на роду видимо было написано и предопределено ему, чтобы наши дороженьки разминулись. Другу в бессмертие, а мне в беспросветную перспективу, где перст божий ещё найдет возможность указать на долю определённую всевышним.

Прощай навеки друг, закадычный кореш и наперсник Валерик Николаев.

В свою очередь, фронтовая жизнь текла своей будничной чередой. Перед решающим штурмом минометную батарею отвели на доукомплектование. Подошло необстрелянное пополнение.

Это были рабочие из блокадного Ленинграда, моряки с Балтики, уральские парни. Пешим маршем подошла рота деревенских парней из Сибири. Их, почти всех, определили в лыжбат (лыжный батальон). А по-простому, в смертники. Правда, в нашу миномётную роту распределили почти целое отделение – 11 человек.

Все вновь пришедшие даже позавидовали нашим новобранцам. Миномётная рота, это круто. И, наверняка, служивые останутся живыми.

– Может быть, и случится такое. Поживём-увидим, – подумалось мне тогда.

Сибирские парни из пополнения были высокими, ладными, работающими. Ну, просто красавцы! Трудная крестьянская жизнь привила им завидные волевые особенности: выносливость, выдержку, безграничное упорство. Короче, были они бескомпромиссными людьми со стальным характером.

Такие нужные солдату качества должны были великолепно проявиться в боевой обстановке. А всё это вместе должно было рано или поздно трансформироваться в отвагу молодых бойцов.

Особой статью, терпением и смекалкой среди них выделялись близнецы Аверины и с ними Семён Комов. Удалые и ловкие ребята. Просто орлы! Душа за них радовалась. Правда, по соседству с тревожными чувствами. Всё-таки не в бирюльки играем. Война.

Мои выжившие в боях «старички» и отважные «ветераны» приступили к обучению новичков. Полные сил, надежд и оптимизма новобранцы трудолюбиво тренировались на мишенях. С нетерпением и страхом ждали они настоящую схватку с врагом. Ведь каждый из них призывался, чтобы стать героем!

Но хвалебные эпитеты касались не только сибиряков. Вся Российская глубинка была одного покроя. Надёжная. Кряжистая в достижении своих целей. Строгая, малоразговорчивая и молчаливая, привыкшая к холоду и лишениям, резкая на слова, не всегда с дружбою к порядку и дисциплине, но абсолютно беспощадная к своему врагу.

В любом случае, это были стойкие и сильные солдаты.

Что касается смерти, да это же не про них. Молодость же дана, чтобы радоваться каждому мгновению своего векования. Слишком оптимистичными были новобранцы, чтобы думать о старухе с косой. Может быть, даже наивными.

Наши безусые юнцы были уверены в своей бессмертии, но с тревогой ждали своего первого боя. Однако, какова судьбушка ждала их впереди: триумф и победоносная виктория, либо?..

Но, но!.. Только бы не каркали им вслед, суеверные люди

– Выше голову, солдатушки! Ничего. Живы будем, не помрем!..

– А ну-ка, разговорчики в строю! Шагом марш, ребятушки! Р—р—раз, раз, два, левой!

– Поначалу защитим Ленинград, а уж там поговорим, побалагурим!левой, левой, р—р—раз, раз, два, три, левой!

– Подтянись, не отставай! Вперед родные!левой, левой, р-р-раз, два!

– Да хранит вас всех Господь!

Кто выживет в смертоубийстве, пойдет дальше. А кому уж не судьба, останется на родине своей, в палестинке поднебесной. Обернётся на веки-вечные пуховым одеялом.

Благодарная родная земля Родины всех примет...

Бои были кровопролитными. На взаимное уничтожение сторон. Новгородская область край непредсказуемой погоды.

Зимой, не смотря на обилие болот и влаги, случались трескучие морозы. Руки пристывали к стволу миномета. Из атаки возвращались немногие, лишь каждый пятый боец. Состояние их было ужасным.

Пришедший из резерва полк в 1000 штыков заменял чудом уцелевшую в живых горстку сохранившихся людей. От предыдущего состава оставалось целыми в лучшем случае до роты в 120 человек.

Страшное дело смотреть на остатки наших частей. Истерзанные боем, оглушенные, израненные, обмороженные, обескровленные. Этих людей вряд ли заботил человеческий облик. Закопчённые, грязные, оборванные и обмотанные каким-то тряпьем, женскими платками и полушалками. Они с трудом понимали, в каком направлении надо двигаться. Психическое состояние многих было на пределе.

После кровопролитного боя далеко не все были героями. Вернее полу чучела, полу человеки. Скорее полутени с обезумевшими лицами.

По краям дороги была разбросана изувеченная техника. В воздухе витал тяжёлый смрад горелой резины, выгоревшего бензина и масла. Страшный запах горелого металла вперемешку с вонью жареного человеческого мяса. В морозном воздухе запахи распознавались особо остро.

Колонны обессиленных бойцов вяло брели мимо разбитой техники. У них не было сил что-либо понимать, адекватно воспринимать окружающее. Впрочем, им всё уже осточертело, и было абсолютно безразлично, что у них под ногами. Поэтому они и не воспринимали чудовищную реальность.

А между тем, помехи под ногами были попросту кусками тел и фрагментами разорванных красноармейцев вмёрзших в лед и смешанных с грязью.

Но, так и брели они смурной колонной, запинаясь и чертыхаясь про себя прямо по клочьям расчленённых сотоварищей.

Двуколка подпрыгнула на ходу. Проехав, мы увидели то ли доску, то ли плоскую бесформенную шпалу. Проезжающий грузовик отломил с его торца приплюснутый кусок и вмял в снежную колею. Нам стало понятно, что перед глазами заледеневшее, смёрзшееся голое тело тяжелораненого красноармейца, выпавшего из санитарной полуторки.

В плоский блин его превратили проезжающими полозьями сани. Колесами машин его расплющили и превратили в белковую доску. Ну и отломили сначала голову, потом одну ногу, затем другую, руки.

Так и лежал фаршированный застывший на морозе беляш, или человеческая лепёшка, вернее раздавленный кусок мяса посередине дороги. Оторванная голова напоминала плоский диск, диаметром около метра.

Старички из похоронной команды ломиком пытались отколупать изо льда человеческую плоть. Но люди сновали туда-сюда, и некому было оттащить бывшего человека в сторону. Зачерствели солдатские души.

Лошадь тянула споро. Мы быстро обогнали бредущих по зимнику бойцов. Дождаясь, отставший взвод, приостановились на пригорке. Дорога оказалась видимой, как на ладони.

От трёх стрелковых полков дивизии осталось меньше батальона. Навоевавшиеся бойцы устало передвигали ногами в сторону места переформирования. В каждой колонне по четыре брело меньше роты, человек по сто-сто двадцать. Офицеров не было вовсе. Выбило всех.

Но устав есть устав и в полуобморочном состоянии красноармейцы старались держать ряд.

Вдруг, с подножки проходящей навстречу полуторки соскочил человек в папахе, катанных валенках и ослепительно белом полушубке, перетянутом кожаными ремнями. Даже нам, со стороны было понятно, что этот щеголь чисто штабная крыса.

Майор же, сняв рукавицу, привязанную к рукаву, выхватил пистолет и заорал на солдат благим матом

– Куда, сволочи! Мерзавцы! Трусы! Пристрелю гадов, без суда и следствия. Назад, мразь деревенская! Вперёд, на передовую! – но люди как шли, так и обошли его со всех сторон. Никто даже не замаялся, не то что пристыдился. Просто обтекли его со всех сторон.

Когда колонна прошла мимо нас, то мы увидели майора со спины. Нарядный человек, в белом полушубке стоял на коленях и держался руками за грудь. Постепенно тело его заваливалось на бок. В конце концов, он полностью обмяк и упал на спину. Из его груди торчал воткнутый прямо в сердце солдатский штык.

Последний ряд бойцов, даже не обернувшись, сомкнулся. Так и ушла рота за ближайший пригорок.

Только посередине зимника остался лежать майор, щеголь штабная крыса. Его чёрная барашковая папаха валялась неподалёку. А из-под белого, пижонского полушубка вытекал яркий ручеек крови.

Следующий огрызок роты при подходе к телу тоже замедлил шаг. И, точно так же, обтёк лежащего человека.

Когда мимо прошла третья рота, на дороге уже никого и ничего не было. Просто на обочине, головой к полю и перегнувшись через придорожный снежный бруствер, в исподнем

лежала фигура какого-то мужика. Из сугроба торчали только голые ноги. Холёные пятки, отполированные пемзой до блеска. Вот и, поди, разберись теперь, кто это.

Да и смеркалось уже. Не видать было ничего.

О дорожной драме напоминал лишь леденец бурого пятна посередине дороги. Это лужица горячей крови впиталась в хрупкий снег. Впрочем, уже начиналась позёмка. И стало понятно, что бывшего человека, майора шеголя штабную крысу к утру полностью заметёт снегом. Да и кто его искать будет на просторах священной войны. Когда-то был такой. Жил и ерепенился, а сейчас вот будет пропавшим без вести.

Кому какая разница в определении людского статуса на переднем крае.

Но и нам надобно было торопиться, нагонять боевых товарищей.

Оставшиеся в живых солдаты ошалело воспринимали окружающее. Им казалось, что наконец-то завершилось тяжкое испытание. Всё ужасное позади, закончилось и прошло, как кошмарный сон.

Как всегда, ошибались воины. Совсем недолгий передых и тяжкое бремя заставит их снова подняться. Через «мать-перемать и не могу» они вновь вступят в безысходный бой.

Даже мечтать они не могли об отдыхе и отправке в тыл.

Но мечтать не вредно.

Особенно когда тебя берут в расчёт лишь как потенциальное пушечное человеческое мясо. В таком случае жизненное пространство для сладенькой человечьей филейки, это первый рубеж атаки.

Казалось, что выжившие бойцы когда-то были полноценными людьми.

Хм, возможно, и было так, когда-то... Но это там, в той, мирной жизни. А здесь и сейчас за их живот и пятака не взять.

Уже потом, после боя, если башку не снесёт и посчастливится в здравом уме остаться, можно будет им принять человеческий облик.

Во время неоднократных наступлений на неприступные бастионы немцев в Демянском котле ожесточенные бои разгорались за каждую, пусть даже небольшую высотку. Противник, как правило, бывал готов к встрече, и выстраивал хорошо укрепленный оборонительный рубеж. Наши лобовые атаки были нескончаемыми. Одна за другой. Утраты живой силы были ужасными!

Убитых было много. Они кругом, старые и новые. Некоторые даже с лета. Одни высохли до черноты, очень похожие на мумии, только зубы сверкают на солнце. Другие распухли ещё по осени, готовы были лопнуть, но морозы их сковали в громадные чурбаки.

Новобранцы со страху в стенках траншей рыли себе щели, но их там и заваливало. От взрывов, жидкую болотную суспензию расшатало и теперь их видно. Лежат, свернувшись калачиком, словно греются. А теперь вот, как смёрзшиеся улитки. Много их.

В земле то тут, то там торчали части втоптаных в чернозём тел. Так и ходили по ним. Где нога, где спина, где полголовы, где сплющенное лицо, где кисть руки, или гроздь пальцев. Запнёшься, бывало, чертыхнёшься и отфутболишь вырванную с клочьями мяса человечью фрагментацию.

Кругом валялись не востребованные стальные каски. Но солдаты их приспособили и стали гадить в них. Потом отбрасывали подальше. Дерьмо застывало и прилетевшей от взрыва утяжелённой каской могло запросто оторвать голову или покалечить. Бывало и такое.

Неподалёку стоял подбитый танк Т-34. Вокруг его башни были намотаны смёрзшиеся кишки разорванного десанта. Это внутренности пехотинцев не успевших соскочить с брони.

А внутри металлической тюрьмы уже околели танкисты. Рации у них не было, а посыльного из батальона послать забыли. И приказа к отступлению у них не было. А за самостоятельное оставление боевой машины, у трибунала безальтернативно-расстрел.

Так и сидели внутри танкисты и ждали своей смертушки, толи от мороза, толи от немецкого снаряда. Толи герои, толи смертники?

По нему начали бить бронейными. Снаряды иногда перелетали, ну и нам по ходу досталось в окопах.

По обеим сторонам нашей траншеи притулились убитые. Кровь от них стекала прямо на дно, превращаясь в лужицы. От кого доля больше вытекла, от кого меньше. Эти бордово-рубиновые желеобразные лужи постепенно сворачивались и замерзали на морозе.

В любом случае мы были в грязи, в крови и вообще хрен знает в чём.

Одежда наша пропиталась, смёрзлась и стала, как картон. Ломалась на морозе и оголяла тело. Кальсоны не спасали. зуб на зуб не попадал. И вскочить, попрыгать было нельзя. Немецкий снайпер запросто достать мог. Лицо и губы окоченели так, что разговаривать было не возможно. Кожу стянуло, как маску. Да и о чём было, собственно, говорить. Мысли у всех были одни

– Выжить бы только. Сейчас продержаться от мороза. А потом и в бою.

Но всё равно, было страшно холодно. До жути!

И сколько нам жить осталось?

Говорили, что от предыдущей усиленной дивизии в три стрелковых полка хватило на два часа.

Вон они остатки, ползут обратно из пекла раненные, окровавленные и грязные, с серыми лицами, запёкшимися губами и лихорадочно блестящими глазами. Кряхтят, стонут, матерятся.

Может быть, им и в следующий раз повезёт?

В нашу траншею сполз майор с парой автоматчиков из штаба полка

– Где взводный? – спросил, – это ты что ли Иван Щербаков? – и ткнул в мою грудь грязным пальцем. – Всё брешешь и никак не набрешешься? Храбрости не хватает, взводный? Даны липовые подаёшь в штаб. Герой он, говорит. Кому другому лапшу навешивай, взводный!

У меня от удивления чуть планшетка из рук не выпала. И тут я вспомнил...

А дело было так. Мы отдыхали в небольшой рожице на краю леса. И, вдруг, услышали надсадное рычание большегрузных машин. По звуку можно было сразу понять, что это не наши маломощные полторки.

Из леса, неожиданно, выползла пара немецких вездеходных грузовиков. Видимо, заплутала в просёлочных дорогах немчура. Ну, и вывалилась на нашу позицию, как на блюдечке.

Не раздумывая и не обсуждая, мы быстро установили миномёты и дали первые пристрелочные выстрелы. А там понесло-о-ось!

И как-то всё сразу удачно для нас сложилось, что первыми же минами обе машины накрыли. Оставшихся фашистов добивали из трёхлинеек.

Потом, после боя, насчитали 29 человек убитыми.

По прибытии на закреплённые позиции роты я сразу доложил по инстанции. Для проверки на место боя сразу отрядили двух бойцов. Они мигом исчезли.

Немного погодя слышим, что в том краю завязалась ожесточённая перестрелка.

Когда бойцы прибыли обратно, то сообщили неожиданную весть. На просеке они насчитали всего четыре вражеских тела. Я был убеждён, что они, скорее всего из-за выстрелов, не стали приближаться к разбитым машинам, а со стороны разглядели только четыре фашистских трупа.

Начальство зло скрипнуло зубами и обозвало меня «болтуном». Боевой орденом «просветел» мимо моей груди. А мои ребята очень даже на это обиделись.

Но, к сожалению, ничего уже доказать было не возможно.

Неожиданно приполз долгожданный подносчик пищи. Термос у него опять был пробит осколками. Значится, каша будет по-флотски, с железками.

А кипяток, вместо чая опять придётся в котелке варить. Крутой кипяток будет, он так называется, кто не знает. От раскученных и переломанных винтовок отдерём приклады, стружки «начешем», костерок разожжём на дне траншеи, ну и вскипятим, естественно.

Ложки достанем из кармана шинельки.

А хлеб, как всегда, уже замёрзшим будет, его-то теперь точно придётся сапёрным топором рубить. Лыдинки внутри него будут «хрусткать», а сам он будет белого цвета, словно салом намазанный-это вода в нём заиндевела.

Случалось, что снаружи он был весь покрыт инеем.

А тут ещё старшина хоззвода Софронов подфартить решил. Посыльный вытряхнул из своего сидора (солдатский вещмешок) несколько банок кильки. И ничего, что она была промёрзшей насквозь. Радости-то было. Окрыляла уверенность, что нас не забыли и не бросили, если на «передок» кильку прислали. Во дела. Настоящий праздник!

Но голод не тётка. Однако, вкуснее, пожалуй, ничего не бывает...

Вестовой из штаба доставил приказ выдвинуться с миномётами на остриё прорыва. Они посчитали, что так будет лучше для более эффективной поддержки пехоты. Идиоты, куда? Они что, рехнулись? Неужели не видели, какой кровавый замес на «передке». Там и ползком-то смертельно опасно.

Приказы в бою не обсуждаются. Приказ есть приказ!

Первый миномётный взвод пошёл.

Второй пошёл...

Я уже обрадовался. Посчитал, что немцы проспали наше выдвижение. Для общего руководства атакой рванул следом за бойцами.

Третий взвод покати́л свои миномёты...

Низко пригнувшись, бойцы отчаянно торопились, насколько позволяла пересечённая местность.

Но, как гром среди ясного неба! Вдруг, страшный грохот! Взрыв! Огненный смерч!

Меня подняло в воздух и швырнуло в соседний блиндаж. Когда очнулся от контузии, ездовой сообщил мне, что мы на своё противотанковое минное поле зашли. Вначале первый фугас рванул, потом от детонации следующий. Затем ещё, ещё.

Кое-как, постанывая, собрал себя в «кулак». А бойцы стали подбирать то, что осталось от боевых товарищей. На кусок брезента скидывали то ногу, то кусок головы, то внутренности живота, то колено, то локоть или часть плеча с торчащей из мяса ключицей. По частям разорвало бойцов. За сорок метров подобрали планшетку взводного и его грудину с куском гимнастёрки. Она как раз упала на зёмлянку комбата.

Провели переключку и в общей сложности не досчитались 23-х человек.

Отморозки командиры! Гниды! Неужели не могли согласовать с сапёрами схему прохода в своём противотанковом минном поле.

Столько людей своих ни за что, ни про что и понапраслину положили. Идиоты! Полководцы хреновы!

После того, как мы подорвались на своих же противотанковых фугасах, в эту брешь, приоткрывшую нашу оборону, ломанулась парочка немецких танков. Мимо сразу же пробежали красноармейцы с противотанковым ружьём.

Оно напоминало старинную базуку, было тяжёлым, длинным и неудобным. Поэтому с ним управлялись два бойца. Первый и второй номер.

За первым было закреплено само ружьё, на марше он всегда таскал его и отвечал за работоспособность. Второй номер носил 30 штук бронебойных увесистых патронов. На его плече ещё болталась пятизарядная трёхлинейка, а к ней полагалось ещё сотня патронов. Плюс были две противотанковые гранаты, шинельная скатка и вещмешок с солдатским барахлом. По возрасту, силе духа, уму, страсти, характеру они бывали как братья.

Вот и сейчас, заняв удобную позицию, они открыли прицельный огонь по гусеницам бронемашин. Однако, промах следовал за промахом. От брони слетали искры. Немецкая бронированная разведка без поддержки пехоты откатилась обратно на свои позиции.

Крепкий орешек обороны противника выглядел следующим образом. Передний край плотно прикрывала густая сеть проволочных и минных заграждений. Тут были рогатки, ежи, спираль «Бруно», проволочные заграждения в два кола. В 30—50 метрах за ними располагалась линия дзотов, глубиной размещения до 50—300 метров. Стены у них были двойные деревянные, между ними насыпана земля. Между дзотами были сооружены открытые площадки и окопы с одетыми крутостями.

В дзотах располагались лишь дежурные подразделения. Основная часть гитлеровцев пряталась в блиндажах, построенных в 75—120 метрах от них. Между дзотами проходил забор из колючей проволоки в три кола. По обе его стороны были лесные завалы высотой более двух метров, засыпанные снегом. Далее возвышался почти на два метра деревянный забор с амбразурами, напоминавший крепостную стену. С фронта забор прикрывал земляной вал толщиной 1,2—1,5 метра у основания. По валу тянулись рогатки из колючей проволоки и спираль «Бруно». Казалось, неприступная линия обороны!

Однажды мне довелось услышать разговор полкового комиссара и командира нашего стрелкового батальона

– Ты главное имущество и технику береги. Людишек нам всё равно подкинут. Еще денька два повоюем, добьём оставшихся солдатиков и поедем в тыл на переформировку. Вот тогда-то погуляем, попируем. Баб тыловых пожамкаем. Ха-ха-ха!

Как же так, командиры? Мы же вам беспрекословно и без всяких рассуждений верим!

Что касается меня, то я не относил бы себя к числу храбрецов. Конечно, всем участникам сражения бывало страшно. До онемения рук, до холода в сердце. Всё дело в том, как этот страх проявлялся у людей. С одними случались истерики, и они плакали, кричали, пытались убежать и спрятаться. Другие переносили внешне спокойно. Но убитых при мне, на глазах однополчан невозможно было забыть.

В любом случае, как бы ни было страшно, я старался всегда держать себя в руках и действовать по обстоятельствам, без паники.

От моих приказов напрямую зависела судьба и жизнь вверенных мне людей. Моих боевых товарищей. Поэтому, я просто не мог себе позволить проявления человеческих слабостей. Тем более, показать свой страх.

В миномётной роте мне требовалось быть хладнокровным и наблюдать ход боя. Как бы ни складывалась ситуация, главной задачей было определить местонахождение цели. А затем засечь и уничтожить её. Либо нанести существенный урон противнику.

Бывало, в прямой видимости.

Служивые знают, что такое миномёт. Любая атака на врага, а тем более оборона не возможна без батальонной минометной поддержки. В любом случае, минометчики были всегда наипервейшей целью для уничтожения. Противник спал и видел, как бы поскорее нас приколотить.

В этих беспощадных и кровопролитных боях в живых оставался лишь каждый десятый боец. Страшные мы несли потери!

...Время тянулось мучительно медленно, пока мы добирались до раздавленной танками позиции второго миномётного взвода.

Наконец-то, прибыли. Нашему взору открылась ужасная картина.

Среди кусков разможжённого и расплюснутого гусеницами металла, в развороченной грязи вперемежку со снегом лежали тела десяти сибирских красавцев-богатырей. В гимнастёрках на выпуск, без шапок. Все были с грязными закопчёнными лицами. У кого-то оторвало ногу. Кто-то с искромсанной грудью. Почти все с разбитыми головами, в крови.

У белобрысого Ярика нижняя часть туловища была полностью раздавлена танковым траком и вмята в чернозём вперемешку со снегом. Спокойный по жизни Василий лежал навзничь с оторванной рукой и зажатой трёхлинейкой в другой. А один из братьев Авериных покоился поперёк другого. Видимо своим телом хотел закрыть от смертельной беды родного братика. Свернувшаяся лужа крови под ними сроднила их навеки.

Жуткая картина виделась, где Афанасий Краев без гимнастёрки, с голым торсом лежал на спине, раскинув руки, а к его губе прилип окурочок. Скрученная из газетки самокрутка. Правая рука сжимала связку гранат. Но, маленький, ещё дымившийся окурочок, видимо был для него последним успокаивающим фактором перед броском на фашистский танк. От не остывшего ещё, а когда-то разгорячённого тела шёл едва видимый парок.

И это было чудовищней всего, что я видел до и после этого случая на войне. Гораздо страшнее распоротых животов, оторванных рук и ног, разбитых голов. Раскинутые руки молодого мускулистого мёртвого тела и дымящийся окурочок на губе.

Ещё несколько минут назад телу Афанасия принадлежала жизнь. Как любой человек он мечтал, смеялся и хотел вернуться до родного дома живым. Балагурил и курил.

А теперь вот уснул навеки с окурком, прилипшим к кровавой пене на губе.

Вот так, из всего миномётного взвода в живых остался только один Семён Комов. Вернее, пока был жив. Осколок, как бритва раскроил ему горло и воткнулся в лёгкие. Он дергался, хрипел и булькал уходящей из тела жизнью. Притулившись спиной, к оплавленному взрывом сугробу, в конце концов, уронил голову на залитую кровью грудь и завалился на бок, повернув лицо вверх.

Глаза его были широко открыты. В них отражалась бездонная синева родного неба. А закрыть их ему уже не хватало сил. Моченьки затворить светлы очи сейчас уже не было. Целой прожитой жизни ему не хватило! Всего лишь мгновения из своей молодой биографии чтобы в какой-то момент просто закрыть глаза.

А это, казалось бы, так просто. Проще не бывает, как прикрыть веками свои глазоньки. Но...

Я склонился над ним. Однако, Семён так и умер, не успев до конца промолвить последних своих слов.

Придётся мне, его командиру, передать вам услышанное прощание от Семёна Комова – Очень обидно братцы, что мы не выиграли этот бой. Погибли все. Но, как уж получилось. По крайней мере, очень старались. Спасибо вам, родные, за понимание!

Человек стареет, а небо вечно молодое, как глаза моей любимой, в которые смотреть да любоваться. Для меня они никогда не состарятся и не поблекнут.

Кто любит, тот добрее к роду людскому.

Пройдёт время, люди залечат раны, построят новые города, вырастят красивые сады. Наступит другая жизнь. Молодёжь будет петь другие песни. У вас будет другая новая и мирная судьба, вырастут красивые дети.

Вы все ещё будете любить.

Может быть, не поверите, а я счастлив, что ухожу от вас с великой любовью к Родине!

Но постарайтесь никогда не забыть о нас, боевом расчёте второго миномётного взвода.

Прощай, наш взводный лейтенант Иван Щербаков.

Будем жить в веках, ребята!

Тяжело и горько об этом рассказывать. Жернова войны перемололи здесь сотни тысяч солдатских судеб. Но люди ко всему привыкают. И мы освоились. По ходу кровавой бойни война обучала солдат премудростям фронтовой жизни. Хочешь, не хочешь, брали уроки и «натаскивались» на благоприятный результат.

«Ветераны» уже знали, куда упадут бомбы с пикирующего «Юнкерса». Знали, что под миномётным огнём вперёд ползти безопаснее, чем лежать на месте. Знали, что бежать

от немецкого танка нельзя, потому что он, как раз и давит впереди себя бегущих. Противотанковых гранат не было, а «коктейль Молотова» надо было забросить сбоку, на вентиляционную решётку двигателя «Тигра». Они знали, что автоматчиков, стреляющих из «шмайссеров» с бедра опасаться не стоит, потому что их пули уйдут все в «молоко».

Они были уже «матёрыми» солдатами войны.

Мои боевые друзья стали совсем другими. Обыденностью стало держать удар врага и крепче стоять на ногах. Не паниковать от численного превосходства неприятеля, а бить его в «хвост и гриву» опытом и умением. Рядовым делом стала отвага и мужество. От обилия крови уже не тошнило. Злость от неудачного боя уже не сеяла в души страх, а поднимала на подвиг. И не в безысходный смертельный рывок на амбразуры, а в обходной манёвр с фланга. И командиры уже перестали расстреливать за неординарную инициативу снизу. Все понимали, что победа становилась куда ценнее, если бойцы оставались живыми.

В моём понимании, это были уже элитные бойцы. Мои боевые товарищи становились воинами от бога. В нас вселилась непоколебимая уверенность, что победа будет за нами.

Мы все честно выполняли свой долг, но, к сожалению, теряли и боевых товарищей.

...Однако, группировка врага в районе Демянска сдалась не сразу. За день до 200 самолетов Геринга сбрасывали грузы на парашютах в пекло «котла». Не помогло.

Но тем не менее, талантливый немецкий военачальник генерал пехоты граф Брокдорф – Алефельд частями смог вывести свои подразделения из «котла», а другие всё же сдались в плен.

16-я Армия немцев была разгромлена и прекратила свое существование.

Из воспоминаний моего отца.

166 стрелковая дивизия, 517 стрелковый полк, 2 миномётная рота.

Командир 3 миномётного взвода Иван Петрович Щербаков (1923 г.р.)

Необузданный смертный бой и колотушки с драчками да лупцовками

Не нами было подсчитано, но на фронте все знали эти страшные гипнотические цифры. Жизнь рядового на «передке» в среднем составляла 45, а взводного лейтенанта целых 7 дней.

Но, когда бывало наступление, жизнь усиленного полка в полторы тысячи штыков исчислялась по времени меньше суток. А три полка стрелковой дивизии быстрее было закопать в землю, чем достичь поставленной задачи сломить оборону противника.

На уничтожение одной немецкой дивизии командирами определялось пять-десять наших. Так и ложились штабелями в полном составе своих подразделений боевые товарищи в болотах да на подходах к оборонительным рубежам фрицев.

Мы же всегда и везде непрерывно атаковали, а значит, несли большие потери. Но, видимо, такое соотношение потерь наше начальство устраивало.

Бесперебойно, интенсивно и отлажено работала машина смерти. И никто не хотел поменять сложившееся положение дел. А может, не давали хотеть?

У командования не было никаких новых идей и целей, никакой широты замысла и внезапности, полнейшее отсутствие полководческого стратегического мышления.

Всегда и везде одно и то же.

Всего лишь тупое продолжение предыдущих бесполезных и неоправданно жертвенных желаний.

И безальтернативное, безвольное подчинение бездарным распоряжениям вышестоящего командира.

Неорганизованность наступательных боев, большие потери сказывались на боевом духе солдат. У более слабых из них, появлялось чувство безысходности и неизбежной гибели.

После боя солдаты писали письма родным. Заветный треугольничек мог принести беду своему автору. По неосторожности солдат мог написать домой что-либо о своем местонахождении, сроках наступления. О своих переживаниях. Страхе. С кем же, как не с папой или мамой молодому бойцу поделиться о своей тревоге или испуге.

Не дам и пятака, как запросто мог попасть солдатик на прицел оперчасти.

Подобно грому среди ясного неба, неожиданно приезжал лейтенант с синими околышками. За упаднические настроения забирал бедную головушку с собой. Обрато уже никто не возвращался. Поговаривали об их дальнейшей незавидной судьбе. То ли штрафбат. То ли штурмовая рота.

По любому, это уже были смертники.

До начала боя людей, добровольно желающих пойти в смертельную атаку на дзот, или с гранатой на танк не водилось. Если фашист не пристрелит, герои появлялись вдруг и неожиданно прямо во время сражения. А рутинную работу вместо подвига, кому-то надо же было исполнять. Поэтому у особистов руки были развязаны. Они тоже туго выполняли своё дело. У них имелся даже свой план. И перевыполнить его было невозможно. Слишком велика была ротация людей. Одни туда, другие в землю. Туда-в землю. Туда-в землю. В землю. В землю...

Поэтому в штрафбате свободные места всегда имелись.

Неумение некоторых командиров воевать, командовать и управлять приводило к абсурдным жертвам. Люди это понимали и сильно переживали. Жизнь человеческая, солдатская жистянка обесценилась до никчемности. Для солдата умирать в позиционной войне неприлично позорно. А при полнейшем незнании стратегического намерения своего командования – это всегда личная и бессмысленная трагедия каждого. Великий крест голгофы.

Да кого из командиров волновала моральная сторона вопроса? Выстроенная вертикаль не знала пощады! Все уже настолько привыкли, что в безысходном ожидании смирились с неиз-

бежностью. Люди, чувствовали беду на подкорке. С содроганием понимали, что любой приказ о наступлении принесёт обязательную смерть или лишенную всякого смысла кровь. При любом раскладе, для солдата, это нескончаемая мука мученическая и страдания до зубного скрежета.

Ультимативная безответственность страшна еще сильнее, ей вовсе нет прощения. Не смогут сказать свое слово погубленные солдаты и офицеры за ошибки штабистов. Хотя не припомню случая, чтобы кого-либо из командиров за провал операции подвели под трибунал. Командиры как данность, воспринимали факт нескончаемых потерь. Для докладов руководству безвозвратные потери искажались и не соответствовали реальности.

Конца и краю не было видеть рекам солдатской кровушки. Эта бойня была невероятной жестокости, изуверства и злобы. Страшная скотобойня по своей сути и озверелости. Выплеснутое неистовство, лютость и кровожадность противостоящих сил не знали примеров по своей бесчеловечности и цинизму. Безжалостность и нещадная озверелость были основой противостоящих сил.

Капелланов, конечно, не было. Военных часовен никто не строил. Но и в коммунизм мы тогда особо не верили. По солдатским душам туда-сюда со своей пропагандой «ездили» комиссары и политработники. Они уверенно врали и обещали сладкую жизнь после войны. Сгрудившись на собрание, бойцы согласно кивали головами. А в реальности они даже не слышали, о чем говорит политрук. Каждый думал свою думу.

Деревенским мужикам было не до высоких материй. Они просто, как могли, воевали за свою родину против страшного врага. О Сталине вспоминали изредка. Вождь и вождь, где-то там, далеко. А родная земля, вот она. У каждого солдата под ногами. И в случае гибели не кто-то там, в Московии, а край родимый, юдоль скорби примет на веки вечные. Поэтому в атаку с именем Сталина на устах обычно не хаживали.

Этим положением дел пытались воспользоваться фашисты. С самолётов на передовой разбрасывали листовки с содержанием для слабых духом: «Вы все погибнете в болотах! Убивайте командиров, комиссаров и евреев! Сдавайтесь в плен! Гарантируем жизнь!». Но солдаты фашистским захватчикам не верили. Слишком ожесточённой была ненависть к оккупантам.

Мы с детства усвоили уроки родителей. Они дурного не посоветуют. Предки для всех нас были в образе святых и это не обсуждалось. А тезоименитая блаженная Матронушка учила всё родство жить с молитвой. Поэтому у большинства солдат в обязательном порядке имелся нательный крестик. Вот мы и налагали на себя, на предметы, технику, оружие и боеприпасы крестное знамение. Как бы, ограждали себя от злой силы. Отправляли её с «приветами» врагу. Пусть помучается непрошенный гостенёк. Глядишь, и копыта сатанинские откинет.

Матрона: «Враг подступает, надо обязательно молиться. Внезапная смерть бывает, если жить без молитвы. Враг у нас на левом плече сидит, а на правом Ангел. Крест, это такой же замок, как на двери. Силою Честнаго и Животворящего Креста спасайтесь и защищайтесь!».

Бывало, наложишь на себя крестное знамение и вперёд, под дождь свинцовый. Честно скажу: и помогало, и защищало, и, главное, вселяло надежду!

Не знаю, сколько было желающих дезертиров, но паникеров-самострелов хватало. Если распознают о причинах ранения, в таких случаях разговор был коротким. Расстрел перед строем. Чтобы определить таковых, в нашу роту периодически наведывались особисты.

Однажды в медсанбат прибыл раненый с оторванной левой кистью. Оказывается, во время перестрелки он встал за дерево и с другой стороны ствола взорвал гранату. По этому случаю нашёлся свидетель. Тут же приехал дивизионный трибунал. Быстро и скоро принял решение.

Офицер из военной прокуратуры собрал находящихся поблизости бойцов. По приказу построил в шеренгу. Самострел стоял на коленях перед строем и напрасно размахивал культишкой руки. Тщетно и безуспешно предатель взывал братишек о помощи, молил и просил

прощения. Страшно кричал о пощаде. Но никто из однополчан не сожалел о расстрельном приказе.

Тут же, перед строем отделение стрелков на раз-два безжалостно привело приговор в исполнение. Не промахнулись воины. Все шесть пуль угодили в грудь предателя.

Мы-то знали, что на родину членовредителю уйдет похоронка с текстом: «Погиб смертью храбрых...» Это чтобы скрыть позор. Чтобы родителей отступника и изменщика не затравили земляки. Кому понравится жить по соседству с семьёй предателя?

Понятно, что расстрел самострела, это урок в воспитательных целях для остальных солдат. «Искупили» вину отдельно взятой, поганой жизни, да и ладно. К вечеру всё и забылось уже. Никчемная жизнь капитулянта, паникёра и труса не вызывала у нас ни жалости, ни сожаления. Скорее вызывала озлобленность. Как так получилось? Мы же все тяготы войны перенесли вместе. Рисковали. Страдали. Он вот сломался и предал, а мы снова в атаку. И всё равно, позору мы предпочитали достойно умереть на поле боя.

Немцы тоже наших предателей особо не жаловали. В одном случае, только что из тыла подались к немчуре прямо из леса вооружённое, сытое, одетое, обутое пополнение. Руки подняли человек триста, целый батальон! Немцы в штаны наклали, гарнизон в деревне был десятка три солдат. Обер-лейтенант, комендант гарнизона приказал всем красноармейцам сложить оружие в кучу, снять полушубки и валенки. Затем русских солдат поставили перед силосной ямой и расстреляли. «Своих предали и Великий Рейх предадут», – сказал патриотично настроенный офицер. Даже закапывать не стали. Посчитали, что пусть местные жители постараются, если не побрезгуют.

Все уже распознали в полной мере, что такое позиционные бои. Немцы заняли круговую, абсолютно неприступную оборону. Иллюзий о своем превосходстве, а тем более, чувства победы солдаты не испытывали. Нас постоянно гнали в наступление. Постоянно. Часто это наступление проходило по пояс в болотной жиже. Ураганный пулеметный и минометный огонь противника выкашивал атакующих бойцов. Укрывшись за небольшим островком-препятствием, красноармейцы могли сутками отстреливаться. Однако приказа на отступление не поступало. Начальство было ещё теми шкурниками. Не подставлялось.

Командиры подстраховывали себя: жизнь солдатика в бою недолгая и никчемная. Всё равно отстреляют и лучше замолчать отступление, чем себя подставить. Так и гибли бойцы в болотах израненные. А еще того хуже, от переохлаждения. Брошенные на произвол судьбы, всеми позабытые люди с разрушенной и далеко не героической судьбой.

Во фронтовых сводках цифры пропавших без вести зашкаливали. Суворова из себя начальники не корчили, даже не вспоминали. Генералиссимус был для них скорее простофилей, чем образцом для подражания. Может быть, оно было и так, но только почему-то никто из воевод не торопился в первые ряды жертвенников и не показывал на личном примере самый короткий путь к победе. Вроде бы, и трусами не были и храбрецами не назовёшь.

Поэтому, бойцы крайне редко испытывали любовь к своим командирам. И делали всё по приказу, а не в соответствии со здравым смыслом и, тем более с никому не нужной инициативой. Прикажут, сделают. Не прикажут, спать будут. Есть будут. Жить будут. Но и шаг вперед не подумают сделать. Не велено и точка.

Для несведущих, в военных делах поясню масштабность происходящей жизненной фронтовой круговерти вокруг нашей минометной роты.

Относились мы не к артиллерии, а были закреплены за стрелковым батальоном в разное время, доходившем от 300 до 500 штыков. Форма и погоны были у нас пехотные. Сначала в роте на вооружении было 6, а впоследствии уже 9 штатных минометов калибра 82 мм. Как не крути, а это шестьдесят человек личного состава. Соответственно 9 лошадей и двуколки, 4 телеги и даже больше с боекомплектом, различной походной утварью и много чего другого.

Для стрельбы из 82-мм минометов всех образцов применялись осколочные шестипёрые и десятипёрые мины (по количеству лепестков оперения). Дымовыми были только шестипёрые мины. 82-мм осколочные мины 0—832 и 0—832Д при разрыве давали 400—600 убойных осколков весом более 1 г. Радиус сплошного поражения одной мины составлял 6 м, а действительного поражения 18 м.

Площадь сплошного поражения принято было называть площадью, на которой при разрыве одной мины поражается не менее 90% всех стоячих целей. Площадь действительного поражения принято называть площадью, на краях которой при разрыве одной мины поражается не менее 50% всех стоячих целей противника.

Наши подствольники пехота называла «самоварами», а шестипёрые мины были «угольками». В случае, если было необходимо прикрыть пехоту огнем, говорилось, что надо бы подкинуть «угольков в самовары».

Главенствующей задачей нашей миномётной роты была поддержка атакующих бойцов гвардейского стрелкового батальона. Сами понимаете, что от слаженности действий двух совершенно разных подразделений напрямую зависела жизнь человека. Поэтому уважение служивых друг к другу было обоюдным. А помощь пехоты при смене дислокации, или позиции миномётной роты было обыденным делом. Чем быстрее и скрытнее перемещение миномётной роты, тем надежнее и эффективнее был огонь наших миномётов.

Для наблюдения за территорией болот и определения возможных целей немцы использовали двухфюзеляжные самолеты-разведчики «Фокке-Вульф-189», больше известные у нас как «рамы». Они часто висели в воздухе. Солдаты знали, что в нем корректировщики огня, но сбить их из винтовки не было возможности, так как «рама» имела броневую защиту. О зенитках калибром 85 мм говорить не приходилось: девять штук на дивизию не решали задачу обороны воздуха над местом противостояния.

Немцы имели тотальное превосходство в воздухе. Снятые с эксплуатации на европейском театре военных действий тихоходные штурмовики «Юнкерсы» «Ju – 87», на нашем жаргоне «певуны» и «лаптежники» отлично чувствовали себя в русском небе. Они спокойно и основательно утюжили наши позиции вдоль и поперек по любому поводу. Превосходство немцев в воздухе было полнейшим, я бы сказал более категорично-всеобъемлющим.

Случался настоящий праздник, когда наше наступление поддерживали «ИЛы», самолеты-штурмовики. Немцы их побаивались, а ещё наши политруки заставляли их называть «черная смерть». Это для поднятия духа. Но, то ли самолёты были неважные, то ли летчики кидали бомбы по неразведанным целям, то ли виной всему леса и болота однако, достаточного эффекта это не приносило. И, тем более, на результатах боёв это никак не сказывалось.

Как правило, ИЛы пролетали девяткой. Летели на бреющем полёте и все орудия ПВО фашистов изрыгали по ним смертоносный огонь. По ходу дела подключалось стрелковое оружие: пулемёты, винтовки и, даже, шмайссеры. В общем, море огня. Кстати, наибольший урон самолёты получали, как ни странно, именно от стрелкового оружия противника. Но, штурмовики, обволакиваясь клубами разрывов и презирая смерть, упрямо шли к цели.

Над нашими головами они выбрасывали бомбы, которые вначале кувыркались, а уже потом, набирая скорость, летели по инерции на немцев. Затем, они выпускали ракеты, похожие снизу на маленькие торпеды. С шипением и оставляя огненный след, мчались они к цели. Взрывы были далеко впереди и эффективность попаданий мы оценить не могли.

Обычно, каждый такой налёт заканчивался гибелью двух-трёх самолётов. Они просто разваливались, взорвавшись в воздухе. Либо, оставляя дымный след, падали на землю. наших пилотов, спасавшихся на парашютах, немцы частенько добивали прямо в воздухе. Настоящие герои были лётчики. С земли за ними наблюдали тысячи человек. За каждую трагедию в воздухе мы переживали, как за свою личную беду.

Но как только наступала ночь, со всех сторон с неба слышалось ровное стрекотание. Это легкие четырехкрылые самолетики бипланы «У-2». Фанерные «кукурузники» были обтянуты перкалевой тканью и загорались по малейшему поводу. Тем не менее, их было достаточно много и наглость их, не знала границ. Много неприятностей и урона доставляли они противнику. Но, бывало, сброшенные ими бомбы по ошибке прилетали и на головы красноармейцев. Кто поймет в этих болотах, чья сила находится на островке среди трясины?

Вследствие определенной секретности и обособленности авиачастей мы даже не догадывались, что управляют этими воздушными «этажерками» девушки. А между тем, эти героини не имели даже парашютов. Самолётик-то двухместный, вот и брали в бой «счастливики» девчата два билета в один конец.

Однажды, с боевыми товарищами нам удалось сбить немецкий самолёт. Лёжа на спине в канаве мы стреляли в брюхо пикирующим «Юнкерсам». Один задымил и грохнулся в небольшой роще. Лётчик выпрыгнул с парашютом.

Ловили его по всему перелеску. Бравый был ас, матёрый вояка. С орденами за налёты на Францию, Англию и Голландию. Прибежали зенитчики и просили отдать его. Им за него дали бы звания, награды. Но мы передали фашиста в свой полковой штаб.

Наше начальство доложило о сбитом самолёте. То же сделали пехотинцы, ну и конечно зенитчики. Потом армейское начальство удвоило цифру, а в генштаб она ушла ещё увеличенная. Такова была практика отчётности боёв. Все об этом знали.

Прикол случился и в другом случае. Немецкие штурмовики не один день утюжили нашу оборону. Их истребители до такой степени обнаглели, что на бреющем полёте строчили из пулемётов и помахивали нам крыльями.

В тот раз был солнечный погожий день. Бомбы сыпались на наши головы, как горох. Но приказ никто не отменял. Наша миномётная рота, как могла, метала мины по немецкой пехоте, что готовилась захватить плацдарм.

В какой-то момент от падающих бомб стало невозможно. Миномётчики попрятались в окопные щели, но сержант Силкин продолжал вести огонь в одиночку, продолжая забрасывать мины в ствол миномёта.

И вдруг... Зашедший на штурмовку наших траншей немецкий «Юнкерс» натолкнулся в воздухе на одну из мин, выпущенных Силкиным.

Радости нашей не было предела! Мы орали и радовались, как малые дети. Ну, а фрицы, видимо от стыда и досады за своего товарища быстрёхонько улетели восвояси.

Как-то прислали нам новое пополнение. Среди них был тощий, сгорбленный парнишка с крючковатым носом по фамилии Гольдфарб. Мастер спорта по шахматам. При налёте «Юнкерсов» все солдаты разбежались по щелям. А он ложился на дно окопа на спину и смотрел на подбрюшья пролетающих бомбардировщиков.

Однажды он подошёл к комбату и высказал предложение, от которого бывалые бойцы долго смеялись. Но на «передке» было затишье, погода стояла хорошая и «Юнкерсы» донимали нас каждый день. А суть его идеи была в следующем.

Гольдфарб отлично знал математику и ему, не составило труда произвести расчёты с учётом начальной скорости пули противотанкового ружья и средней скорости немецкого «Юнкерса» при штурмовке наших позиций. На обрывке замызганного солидолом картонного ящика он составил таблицу поправок для стрельбы в зависимости от высоты пролёта бомбардировщика.

Поликарпыч, наш ротный слесарь по ремонту миномётов, остроумно придумал простейшую «зенитную» установку. Для начала, он в землю вбил кол. На кол сверху обухом топора впрессовал втулку. На эту втулку надел колесо от телеги. На это колесо установил сошниками противотанковое ружьё и закрепил его шнуром к спицам. Получилось, что приклад и мага-

зин ружья находились между спицами снизу. Как раз для удобства стрелку при использовании самопальной зенитной установки.

Чтобы показать мастерство в искусстве поражения цели пригласили знаменитого в наших краях снайпера Николашку Ермакова. Гольдфарб подробнейшим образом объяснил ему о принципах стрельбы из противотанкового ружья по его таблице поправок.

И сразу же, при первом налёте Ермаков сбил пару «Юнкерсов». Затем ещё. Но потом уже «Юнкерсы» зашли на бомбометание в паре и фугас со второго самолёта разнёс в щепки всю «зенитную» установку. Кое-что нам удалось собрать от первого и второго номера противотанкового ружья. Захоронили их кишки, куски мяса и фрагменты тел тут же, под кусточками по соседству.

Бывало, что и немцы прилетали по ночам на своих маленьких самолётиках. Заглушив мотор, они планировали над нашими позициями. Заметив огонёк сигареты, искры от костра запросто могли сбросить на наши головы небольшие бомбочки. А чаще всего немцы кидали на шум, на разговор, на огонёк кассеты, начинённые мелкими гранатами. Она раскрывалась в воздухе и десятки гранат, как горох засыпали окрестности. Солдаты эту фашистскую пакость называли «фур-фур».

А ещё над «передком» в ночном небе летали немецкие «керосинки». Это небольшие потрескивающие шумливые самолёты. «Керосинка» выбрасывала осветительные ракеты и летала между ними, высматривая, куда бы зашвырнуть парочку небольших бомб. Вреда от неё было немного, но беспокойства и шума было предостаточно. Не давала спать. Словно блоха, вставленная в уши стучала: «Тук-тук-тук...»

Поначалу, завладев военным преимуществом, немцы, как правило, обустроивали глубоко эшелонированную линию обороны. Эффективно использовали межозёрное дефиле. Посуху вдоль лесов, на границах с болотами устанавливались дзоты, пулемётные бронеколпаки. Передовой рубеж сразу же превращался в неприступный укрепрайон.

А наша оборона, как правило, проходила прямо по болоту, куда уже не совались фашисты. Одни островки сухой земли были на нашей территории, другие на стороне немцев, третьи же делились пополам. Между островками укладывались гати, настилы. Самым лучшим считался настил из бревен. Так и перемещались: где по настилу, где вплавь, где на плотике. Лодка считалась роскошью и излишеством.

Болото всегда оставалось болотом. Даже зимой. Направления нашего движения, как оказывалось, были постоянными, и немцы научились определять возможные скопления людей, били прицельно. Настилы, островки, гати становились одновременно опасными для всех скучившихся людей. В случае прямого попадания потери были большими. А разбросанные по болоту куски тел уже никто не собирал. В таких случаях восстанавливали только саму гать.

Конечно, все кругом было заминировано. Островки сухой земли, само болото таили опасность с обеих сторон. Обидно, но, бывало, сами же на своих минах и подрывались. Так сказать непредвиденные потери. Разорванные тела из болота уже не собирали по кускам.

Если начальство возлагало большие надежды на захват опорного пункта немцев, то со всей округи съезжались большое руководство. Не дай бог, если не получалось достигнуть результата. Утром в пехотном полку устраивали экзекуцию: перед строем обязательно расстреливали несколько человек. Это были, без вариантов, «крайние». На них командиры списывали всю ответственность за поражение.

Фашисты тщательно, с арийским подходом готовились к обороне. Они же были на берегу, на краю болота. Доты и дзоты соединялись извилистыми траншеями. Болота и заливные луга перед первой линией обороны были заминированы на глубину до километра. Затем шли проволочные заграждения в три ряда. Огневые точки имели пушки, пулеметы. Было очень много минометов.

По всей дороге от Старой Руссы до Демянска у них маневрировали резервные части. Летом 1942-го года они протянули железнодорожную ветку, и движение их приобрело фантастическую продуктивность. По ночам и в плохую погоду было далеко слышно, как сновали паровозы привозящие эшелонами подкрепление, провизию и военное имущество, а обратно из «котла» вывозили раненных и сломанную, исковерканную технику.

Немцы тоже были те ещё барахольщики. Когда мы разбивали их колонну, среди повсюду валявшихся трупов можно было определить по документам бельгийцев, голландцев, французов и прочих фашистов-добровольцев. Приходилось потрошить их имущество. Чего тут только не было. Какие-то тряпки, женское бельё, посуда, ковры, даже фаянсовые унитазы. А в их карманах фотографии, письма, презервативы, порно открытки-целые коллекции. Многие солдаты Вермахта были с орденами, даже за захват Крыма. После разгрома, вид немецкого финиша доставлял мне огромное удовольствие.

С авиацией с нашей стороны было вообще туго, а танки существенного влияния на ход боев не оказывали в связи с их малым количеством. У них же в достатке и на ходу были и танки, и авиация. Оборона противника была слишком уж сильна. Конца и краю не было видать противостоянию.

Но отважно сражались русские солдаты и офицеры. С нами воевали: сын советского полководца Михаила Васильевича Фрунзе Михаил, 161-й истребительный авиаполк. Он был сбит и погиб в районе Старой Руссы. Здесь же летчик 580-го истребительного авиаполка лейтенант Алексей Маресьев тоже был сбит и выжил. Борис Полевой написал о нем легендарный учебник мужества «Повесть о настоящем человеке».

Вопреки советской пропаганде факт. 21 августа генерал Качанов уступил Манштейну в противостоянии у Старой Руссы. Немецкий корпус уничтожил до «60% личного состава русских и свыше 80% боевой техники», а вся 34-я армия бежала с поля боя и попала в окружение. В плен сдались 12 тысяч человек. Немцами был захвачен 141 советский танк, 246 орудий и особо ценный трофей, застрявшая в болоте легендарная, секретная реактивная установка БМ-13, «Катюша».

Война стала для нас обыденностью.

Если у командира была душа, он от безысходности шёл в атаку вместе с солдатами. И погибал с чистой совестью.

В то же время жестокие, циничные, случайные люди в армии, да просто проходимцы, как тараканы прибивались к тёплым и сладким, а главное безопасным щелям.

Как и в любом обществе на фронте сложился костяк снабженцев, медиков, контрразведчиков СМЕРШа, штабистов и других подобных людей. Они образовали и довели до совершенства механизм приёма пополнения и отправки его в бой, на смерть. Своеобразную мельницу смерти.

Эти люди были те ещё мерзавцы, настоящие подонки привыкшие к человеческим страданиям.

Ихнее начальство подбиралось тоже соответствующее не рассуждающее. Либо тупицы, либо подлюги и выродки. Способные лишь на жестокость паскуды. Клейма негде было ставить негодьям.

Командир полка 311 дивизии выдвинулся на свою должность из командира банно-прачечного отряда, или по-другому бабского или бл...ского командира. Он без рассуждений гнал свой полк вперёд. Без рассуждений гробил его множество раз, вновь и вновь пополняя его из резерва. А в промежутках между боями он пускался в загул и пил водку «по-чёрному». При этом красиво, со вкусом плясал цыганочку с выходом. Опять же с бабами из банно-прачечного отряда.

Солдат, как правило, офицеры не били. Но, если поднимешь руку на офицера, штрафбат был гарантирован. Однажды командир горнострелковой бригады Угрюмов, будучи пьяным

в стельку палкой лупил и гонял офицеров своего штаба. Битые начальством офицеры повинились, но не заложили начальника.

В другом случае он загнал свою часть по шею в воду, сквозь битый лед реки Мги. Было страшно морозно. Костров не было и водки тоже. Вся бригада погибла. Замёрзла. А её командир, полковник Угрюмов, как всегда пьяный до невменяемости, ходил по берегу неприкаянным. Скорее бы опохмелиться ему. По любому, вскорости пополнение подошлют.

Раздолбайство и пьянство не помешали ему стать генералом. Ведь русские мужики понятливые и сообразительные трудяги, особенно, когда трезвые.

А для генералов солдат всегда был навозом. Так уж повелось относиться к людям при социализме. Для достижения великой цели любые жертвы были приемлемы.

Поразительная разница существовала всегда между передовой и тылом.

На переднем крае лилась кровь, в избытке было страдание, а смерть являлась рядовым, никчёмным случаем. Там было не поднять головы под пулями и осколками.

Преобладали голод и страх, непосильная работа. Укрыться было негде в жару летом и в проливной дождь осенью. Мороз зимой пробивал до костей и трясучки. И жить-то было невозможно, разве что выживать. Обычным делом были адский обстрел и бомбёжки.

Дополнительным издевательством всегда присутствовал командирский пьяный угар.

Бойцы там были не жильцами. Они и сами понимали, что обречены. Для них было спасением ранение. И то не факт, что подфартит выжить.

Другое дело тыл. Здесь другой мир. Здесь находилось начальство, штабы. Стояли тяжёлые орудия, были расположены склады, медсанбаты. Снаряды долетали сюда далеко не всегда. Бомбы из самолётов падали на головы лишь изредка.

Если не переведут на передний край, все здешние останутся живы.

Поэтому у нас, на передовой штабистов и тыловиков ненавидели.

От сложившегося положения дел появлялось чувство какой-то безысходности. Каждый день одно и то же: пот, кровь, смерть. Смерть, кровь, пот. И так по замкнутому кругу, вырваться из которого не было никакой возможности.

Но в общечеловеческой трагедии уже обыденностью, незначительным нюансом становилась жертвенность. Равно как и судьбоносное личное желание пойти на смертоубийство себя любимого. Главенствующим фактором принятия такого решения для солдата была любовь к своей Родине. И, как ни странно это покажется, эту догму никто и никогда не подвергал сомнению и не оспаривал. Любовь к Родине была безмерной, безграничной и бессмертной. Заявляю это на полном серьёзе и со всей ответственностью!

От простого солдата до командира дивизии, все безоговорочно понимали, что мы делали только первые шаги к заветной мечте о великой Победе. Как сложится в дальнейшем судьба каждого из нас, одному Богу было известно. В случайный исход своей биографии никто не хотел верить. Как бы тяжело не было, но каждый хотел дожить до Победы.

Потери, казалось, были бесконечными. Война с ужасающим постоянством пожинала свой смертельный урожай. Всё наше существование сузилось до жуткого плотского мироощущения. О прекрасных чувствах, далёкой перспективе или человеческом счастье никто не думал. Сквозь прорезь прицела была видна лишь желаемая цель на уничтожение. Если повезёт, твоя взяла. А в основном, всё мимо. О высоких материях было не прилично разговаривать. Сочтут хлюпиком, окажешься в первом ряду жертвенников. Старшина хоззвода быстренько спишет со счетов. А чего обузу с собой таскать. Лучше прикрыться ею от свинцового дождя.

Хочешь, не хочешь, а жизнь сама научила нас вести тяжелые позиционные, окопные бои. Бои на истребление.

Убитые красноармейцы тоже приносили пользу. Герой обороны Москвы и Ленинграда генерал Леонид Говоров, прибыв на вверенный ему участок фронта, первым делом приказал убрать брустверы, собранные из убитых солдат и похоронить их. Легко приказывать, но каково

разбирать под огнём смёрзшиеся штабеля трупов! А после разборки мёртвых тел приходилось ещё рыть окопы по уставу в полный рост. Но, совершенно неожиданно для нас, смертность среди бойцов от шальных пуль и снарядов резко сократилась.

Когда мела позёмка, стояли трескучие морозы для обозначения зимников использовали вешки. Только чего было маяться, дерева рубить. Поступали проще. Втыкали в занесённые снегом обочины трупы толи немцев, толи наших. Пусть хоть окоченевшие, но мёртвые тоже вносили свой вклад в несокрушимую победу.

Похоронные команды, составленные из выздоравливающих раненных, местных демобилизованных колхозников, призванных «стариков» трудились очень даже споро. Работы у них всегда было предостаточно. Они особо и не роптали. В вещмешках убитых бойцов можно было неплохо пожить. Некоторые не брезговали крайностями. Осматривая зубы убиенных, пасатижами выдирали золотые коронки. У немцев-мертвяков всегда были припасённые необычные штучки: табакерки, ножи, нательное золото, трубки, часы, кольца. Но для них самым трудоёмким и неприятным было снимать с убитых обмундирование, которое после тыловой ревизии и стирки шло по второму, а то и третьему кругу применения.

Вследствие своей «неблагодарной» профессии и больших возможностях, похоронники были всегда пьяными. Каждую команду впоследствии обирал свой начальник. А того свой. И каждый хотел пожить за их счёт. У них всегда имелся список заявок от «нужных» людей. Они-то уж точно, должны были дожить до Победы.

...А по зимнику с поля боя стали вывозить убитых. Трупов были тысячи и тысячи. В основном двигались повозки или сани. Трупы укладывались штабелями выше крупа лошади. Верёвки туго стягивали поклажу. В кузовах машин борта обычно наращивали за счёт вытянутых трупов. Их, как брёвна устанавливали по периметру, а посередке обнажённые тела, или части тел наваливали, как попало, но преимущественно вдоль кузова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.